

— Я не уйду, — ответил он.

Юань-эр замер, словно не веря своим ушам.

Ли Лин не стал больше ничего говорить, просто протянул руку и втянул его внутрь.

Когда пальцы коснулись руки Юань-эра, сердце снова сжалось. Слишком тонкая, как сухая ветка, сквозь промокшую одежду чувствовались одни кости.

Он закрыл дверь, оставив ветер и дождь снаружи.

В комнате было темно, лишь слабый свет пробивался сквозь окно. Ли Лин на ощупь нашел сухое полотенце и протянул его Юань-эру.

— Вытрись.

Юань-эр взял его и неуклюже принялся растирать волосы.

Пока он вытирался, снова грянул гром. Рука мальчика дрогнула, и полотенце чуть не упало.

Ли Лин посмотрел на него, помолчал немного, затем подошел и сел на край кровати.

— Иди сюда, — сказал он.

Юань-эр посмотрел на него, но не сдвинулся с места.

Ли Лин не торопил, он просто сидел и ждал.

Спустя некоторое время Юань-эр медленно подошел и встал перед ним.

Ли Лин откинул край одеяла и похлопал по матрасу.

— Залезай.

Юань-эр остолбенел.

Он посмотрел на Ли Лина, потом на кровать, снова на Ли Лина, и слезы, стоявшие в глазах, наконец покатались по щекам.

Но он не заплакал в голос, лишь закусил губу и быстро забрался на кровать, нырнув под одеяло.

Одеяло было холодным, но быстро согрелось.

Юань-эр сжался в комочек у самого края кровати, стараясь держаться на расстоянии от Ли Лина. Он боялся придвинуться ближе, опасаясь, что его прогонят.

Снова ударил гром.

Мальчик вздрогнул, но не шелохнулся.

Ли Лин некоторое время лежал в темноте, а затем повернулся, протянул руку и притянул маленькое тельце к себе.

Юань-эр застыл.

Сквозь тонкую ткань он чувствовал тепло этой руки. Оно переходило на его спину, постепенно окутывая со всех сторон. Он слышал сердцебиение Ли Лина — ровное, сильное, удар за ударом.

Он не двигался, боясь, что если пошевелится, это тепло исчезнет.

Прошло много времени, прежде чем он едва слышно прошептал:

— Брат Лин...

В темноте голос Ли Лина донесся откуда-то сверху:

— Спи.

Юань-эр уткнулся лицом в это теплое объятие и закрыл глаза.

С тех пор как ушла его мать-наложница, он впервые засыпал в чьих-то объятиях.

Снаружи грохотал гром и шумел ливень, но ему стало совсем не страшно.

Потому что его кто-то обнимал.

От этого человека исходило тепло, его сердце билось ровно, а голос был тихим.

Юань-эр не знал, почему этот человек так добр к нему.

Но он знал, что не хочет покидать это объятие.

За окном бушевала ненастная погода, а в комнате было тепло, как весной.

Ли Лин обнимал худое маленькое тельце, и на душе было невыразимо тяжело.

Ребенок был таким легким, что это вызывало щемящую боль в груди. В нем не было ни капли лишнего веса, сквозь одежду можно было пересчитать каждое ребро. Свернувшись в его объятиях, он казался крошечным птенцом, получившим рану.

Ли Лин не знал, как долго сможет его защищать. Он сам был всего лишь евнухом, который недавно попал в этот мир, и здесь, в глубоких покоях дворца, он был никем.

Но он решил: буду оберегать его день за днем, сколько получится.

По крайней мере, сегодня ночью этому ребенку не придется бояться в одиночестве.

Он закрыл глаза, прислушиваясь к шуму ветра и дождя за окном, и постепенно уснул.

Маленькое тельце в его объятиях мерно вздымалось в такт дыханию, и тепло, проникавшее сквозь одежду, казалось каким-то немим выражением доверия.

В эту ночь оба спали спокойно.

На следующее утро Ли Лин проснулся от того, что на него закапала дождевая вода.

Когда он открыл глаза, уже начало светать.

Маленькое тельце в его объятиях все еще было свернуто калачиком, мальчик крепко спал, его дыхание было легким и ровным.

Он осторожно высвободил руку, стараясь не потревожить седьмого принца, и встал, чтобы осмотреть комнату.

Вчерашний ливень был слишком сильным. Хотя несколько дней назад он заколотил окна досками и заделал щели в стенах, холодный дворец был настолько ветхим, что дыры были

повсюду.

В углах главного зала протекало в нескольких местах, капли падали на пол, образуя небольшую лужицу.

Он повернулся, чтобы осмотреть боковой зал, где жил сам — там было еще хуже.

В крыше, неизвестно когда, образовалась дыра, и вода лилась прямо через нее, намочив половину его деревянной кровати.

Ли Лин стоял в дверях, глядя на пятно воды, и чувствовал облегчение.

Хорошо, что вчера он забрал ребенка к себе. Иначе, если бы тот спал один в той развалившейся лачуге, страшно представить, как сильно он бы испугался.

Он закатал рукава и принялся за уборку и починку.

Прошло больше двух часов. Когда он закончил и спустился с лестницы, то увидел Юань-эра, который стоял во дворе и смотрел на него, задрав голову.

Мальчик был в своей старой одежде, волосы после сна всклокочены, а на лице остались следы от подушки.

Он так и стоял с поднятой головой, его глаза ярко блестели, словно он смотрел на нечто невероятное.

Ли Лин отряхнул руки от пыли, и в его голосе прозвучали мягкие нотки:

— Проснулся?

Юань-эр кивнул.

— Голоден?

Юань-эр подумал, снова кивнул, а потом покачал головой.

Ли Лин не понял, что это значит.

Юань-эр тихо сказал:

— Ты... ты был занят. Я могу подождать.

Ли Лин замер.

Этот ребенок даже не умел просить еды, когда был голоден.

Он ничего не ответил и направился на кухню. На полпути он оглянулся.

Юань-эр все еще стоял на том же месте и смотрел на него полными ожидания глазами.

— Иди за мной, — сказал Ли Лин.

Глаза Юань-эра мгновенно засияли, он трусцой припустил следом и теперь следовал за ним по пятам.

С того дня Юань-эр стал маленьким хвостиком Ли Лина.

Ли Лин шел на кухню готовить — он следовал за ним и сидел на пороге, наблюдая.

Ли Лин шел во двор полоть сорняки — он следовал за ним и сидел рядом на корточках, наблюдая.

Ли Лин чинил окна — он следовал за ним и, задрав голову, наблюдал.

Когда Ли Лин уходил получать продовольственный паек, Юань-эр не мог пойти с ним, поэтому просто стоял у ворот холодного дворца и ждал, пока тот не вернется.

Иногда, обернувшись, Ли Лин видел эти глаза, устремленные на него, и в душе возникало странное чувство.

Это не было раздражение. Это было чувство растерянности — он не знал, что с ним делать.

Ребенок был слишком послушным, настолько тихим и нетребовательным, что это вызывало жалость.

Под присмотром Ли Лина холодный дворец начал понемногу меняться.

Юань-эр видел это своими глазами и запоминал в сердце.

Раньше здесь было холодно, разруха, отовсюду дуло, и это пугало.

Теперь же стало немного теплее.

Он перевернулся на другой бок и сквозь щель в двери увидел слабый свет свечи, пробивающийся из бокового зала.

Он знал, что там Ли Лин.

Он закрыл глаза, уголки его губ приподнялись, и он уснул.

Дни шли один за другим.

Ли Лин каждое утро вставал, разжигал огонь, готовил еду, затем шел в Ведомство внутренних дел — получать припасы, узнавать новости, лавировать среди других евнухов.

Вернувшись, он прибирался в комнатах, чинил вещи и готовил ужин.

Юань-эр каждый день ходил за ним, смотрел, как тот хлопочет, как заботится о них обоих.

Однажды Ли Лин вернулся и принес небольшой сверток.

Юань-эр подошел посмотреть — это был пакет с конфетами. Не те леденцы из солодового сахара, что были раньше, а более изысканные, завернутые в цветную бумагу, маленькие и круглые.

Глаза Юань-эра широко распахнулись.

Ли Лин вложил конфету ему в руку и сказал:

— Попробуй.

Юань-эр сжал конфету, не решаясь съесть, и долго на нее смотрел.

Ли Лин, наблюдавший за ним, внезапно спросил:

— Раньше ел такие?

Юань-эр кивнул, а потом покачал головой.

— Когда мать-наложница была жива... я ел, — тихо сказал он. — А потом... их не стало.

Ли Лин больше ничего не сказал.

Юань-эр осторожно положил конфету в рот.

Сладкая. Очень, очень сладкая.

Ему вдруг показалось, что глаза защипало, но он сдержался.

С того дня Ли Лин время от времени приносил что-нибудь.

Иногда это была конфета, иногда фрукт, иногда кусочек пирожного.

Вещей было немного, но все они предназначались только ему одному.

Юань-эр, получая такие подарки, весь день ходил счастливый.

Но он никогда не просил большего и не заговаривал об этом первым.

Ли Лин давал — он принимал; не давал — он ждал.

Ли Лин все это видел.

Этот ребенок так привык к пренебрежению, что даже боялся просить о чем-либо.

Он понимал: он все больше привязывается к этому ребенку.

Это было не к добру. В этих глубоких дворцовых стенах привязанность к кому-то означала появление слабого места, уязвимости.

Но он не мог с собой поделаться.

Каждый раз, встречаясь с этим взглядом, он не мог найти в себе сил отказать.

Жизнь Ли Лина в холодном дворце постепенно вошла в колею.

Каждое утро он вставал, готовил завтрак для Юань-эра, а потом уходил в Ведомство.

В полдень возвращался, прибирался, готовил обед. После обеда — ремонт и хозяйственные дела.

Вечером готовил ужин, ел вместе с Юань-эром, а когда тот засыпал, уходил в свой боковой зал.

Юань-эр ходил за ним повсюду, не отступая ни на шаг.

Однажды Ли Лин обернулся и увидел, что мальчик сидит на корточках у дверей, сжимая в руке травинку и сосредоточенно что-то рисуя на земле.

Он подошел поближе и взглянул.

На земле были нарисованы два человека. Один большой, другой маленький, держащиеся за руки.

Ли Лин догадался, что это значит, но промолчал и вернулся на кухню.

В тот вечер на столе было, кажется, больше мяса, чем обычно.

Время в холодном дворце тянулось медленно, но в то же время быстро.

В мгновение ока прошел почти месяц с тех пор, как Ли Лин попал сюда.

За этот месяц холодный дворец преобразился. Крыша не текла, во дворе стало чисто, на кухне можно было готовить. Тот худенький ребенок тоже немного поправился, его лицо уже не было таким болезненно-бледным, как в первый день.

Юань-эр по-прежнему боялся грома и по ночам иногда тихо плакал, но стоило Ли Лину оказаться рядом, как ему становилось намного легче.

Он все больше полагался на Ли Лина. Первым делом после пробуждения он бежал проверить, на месте ли Ли Лин. Последним делом перед сном было убедиться, что Ли Лин не ушел.

Иногда он задумывался, что будет, если Ли Лин исчезнет.

Но, поразмыслив немного, он пугался даже самой мысли об этом.

В этот день Ли Лин, как обычно, отправился в Ведомство внутренних дел за припасами.

Сунь-шкурка, увидев его, растянул губы в неискренней улыбке. В последнее время Ли Лин

заходил часто, и хотя каждый раз приходилось тратить немало красноречия, кое-какие припасы все же удавалось получить. Сунь-шкурка не знал, откуда тот взялся, и пока не решался чинить препятствий.

Ли Лин закончил дела и собирался уходить, как вдруг его окликнули.

Он обернулся и увидел незнакомого евнуха, который был одет куда лучше, чем их разнорабочие. На лице того блуждала улыбка, но она была неприятной.

— Ты тот самый новенький из холодного дворца? — евнух оглядел его с ног до головы. — Ли Лин, да?

Ли Лин слегка склонил голову:

— Именно так. Не знаю, как величать этого почтенного?

Евнух не ответил, лишь усмехнулся:

— Слышал, ты неплохо устроился в холодном дворце? Хорошо прислуживаешь этому... седьмому принцу?

Сердце Ли Лина слегка дрогнуло, но на лице не отразилось ничего:

— Я всего лишь слуга седьмого принца, делаю, что могу.

— Делаешь, что можешь? — евнух хмыкнул. — А почему я слышал, что ты в последнее время зачастил в Ведомство? И получаешь немало припасов?

Ли Лин промолчал.

Евнух сделал шаг вперед и понизил голос:

— Парень, я дам тебе добрый совет. Кое-кто не хочет, чтобы тот господин жил слишком припеваючи. Ты новенький, не высовывайся. Знай свое место и не делай того, чего не следует.

Ли Лин посмотрел на него спокойным взглядом:

— Смею спросить, от чьего имени вы передаете эти слова?

Лицо евнуха изменилось, он фыркнул:

— Какая тебе разница? Просто запомни.

Сказав это, он развернулся и ушел.

Ли Лин остался стоять на месте, глядя вслед удаляющейся фигуре. Он ничего не сказал и, подхватив сверток, пошел обратно.

Подойдя к воротам холодного дворца, он издалека увидел маленькую фигурку, которая стояла там и всматривалась вдаль.

Заметив его, фигурка тут же бросилась навстречу, но на полпути остановилась и послушно стала ждать.

Ли Лин подошел, Юань-эр задрал голову, его глаза ярко сияли, и он тихо позвал:

— Брат Лин.

Ли Лин посмотрел на него сверху вниз, немного помолчал, а затем протянул руку и растрепал ему волосы.

— Пойдем внутрь, — сказал он.

Юань-эр кивнул и последовал за ним во двор.

Он не знал, что произошло. Он знал лишь одно: брат Лин снова вернулся.

Пока брат Лин рядом, холодный дворец будет теплым.

Той ночью Ли Лин лежал на кровати в боковом зале и размышлял над словами того евнуха.

Кое-кто не хочет, чтобы седьмой принц жил слишком припеваючи.

Что это значит? Кто преследует ребенка семи-восьми лет?

Он не знал.

Но он знал, что во дворце нет ни доброты, ни злобы без причины. Кто-то положил глаз на холодный дворец, на этого ребенка.

Он перевернулся на другой бок и сквозь щель в стене увидел слабый свет свечи из главного зала.

Юань-эр, должно быть, уже уснул.

Ли Лин закрыл глаза.

Он не знал, что ждет его впереди. Но он знал, что не позволит этим людям добиться своего.

Не ради чего-то еще.

А ради того самого обращения: Брат Лин.

Ли Лин не ожидал, что противник будет действовать так быстро.

На следующее утро он пошел на кухню готовить завтрак и обнаружил, что мешок для риса пуст.

Он точно помнил, что позавчера получил половину мешка, и там оставалось еще больше половины. Даже если есть понемногу каждый раз, этого хватило бы на семь-восемь дней.

Но сейчас в мешке не было ни зернышка.

Ли Лин стоял на кухне, глядя на пустую емкость, и всё понял.

Он не стал поднимать шум, а пошел в дровяной сарай. Конечно же, куча наколотых дров уменьшилась больше чем наполовину.

Он заглянул к баку с водой. Бак был цел, без трещин, но воду кто-то вылил, оставив лишь капли на дне.

Осмотрев всё это, Ли Лин немного постоял, размышляя.

Затем он пошел в главный зал.

Юань-эр уже проснулся и сидел на краю кровати, глядя в одну точку. Увидев Ли Лина, он тут же вскочил, глаза засияли:

— Брат Лин!

Ли Лин посмотрел на него, не упоминая о случившемся, и просто сказал:

— Сегодня не будем готовить. Жди, я схожу получу кое-что.

Юань-эр опешил, но быстро кивнул.

Ли Лин вышел и первым делом отправился в Ведомство внутренних дел.

Сунь-шкурка, увидев его так рано, растянул губы в усмешке:

— О, евнух Ли пришел сегодня спозаранку. Что, в холодном дворце запасы закончились?

По его выражению лица Ли Лин понял, что к этому приложили руку.

Но он не подал виду, сохраняя почтительный тон:

— Господин Сунь шутит. Я пришел спросить, когда можно получить положенную седьмому принцу ткань на этот месяц?

Сунь-шкурка остолбенел.

Он думал, Ли Лин пришел просить рис, а тот заговорил о ткани?

— Ткань? — он нахмурился. — Зачем в холодном дворце ткань?

Ли Лин опустил глаза, его голос звучал ровно:

— Одежда седьмого принца изнасилась, пора менять на новую. По дворцовым правилам принцам ежегодно весной и осенью выдается по четыре отреза ткани, это было утверждено еще в прошлом году. Я сверил записи, ткань на весеннюю одежду принца еще не выдавалась.

Лицо Сунь-шкурки изменилось.

Он не ожидал, что Ли Лин вспомнит об этом. Нормы выдачи ткани — это жесткие правила, их гораздо сложнее урезать, чем рис или муку. К тому же Ли Лин прав, это было утверждено в прошлом году, и в книгах учета всё зафиксировано.

— Ну... — Сунь-шкурка выдавил фальшивый смешок. — Нужно подождать, ткань еще не завезли.

Ли Лин поднял голову и посмотрел на него, голос оставался спокойным:

— Господин Сунь, я слышал, что по правилам Ведомства положенное довольствие может быть задержано не более чем на семь дней. Весенняя ткань принца задерживается уже на два месяца.

Он смотрел прямо в глаза Сунь-шкурке, не выказывая ни раболепия, ни высокомерия:

— Если кто-то начнет проверку, боюсь, господину Суню будет непросто объясниться.

Лицо Сунь-шкурки застыло.

Он впился взглядом в Ли Лина, пытаясь что-то прочесть на этом лице. Но тот евнух просто стоял, на его губах играла легкая улыбка — как раз такая, какая нужно: ни униженная, ни дерзкая.

Они смотрели друг на друга несколько мгновений.

Первым взгляд отвел Сунь-шкурка. Он хмыкнул, достал из шкафа отрез ткани и швырнул на стол:

— Забирай.

Ли Лин взглянул, но не сдвинулся с места.

— Господин Сунь, — сказал он, — по правилам полагается четыре отреза.

Сунь-шкурка уставился на него, но Ли Лин стоял не шелохнувшись.

Спустя долгое время Сунь-шкурка достал еще три отреза и бросил на стол.

Ли Лин подошел, сложил все четыре отреза и взвалил на плечо.

Уже у двери он обернулся и кивнул Сунь-шкурке:

— Благодарю, господин Сунь. Позвольте откланяться.

Сунь-шкурка промолчал, лишь буравя взглядом его спину, глаза его были темнее грозовой тучи.

Ли Лин шел обратно, неся ткань, и, проходя мимо дровяного сарая, снова заглянул туда.

Куча дров по-прежнему была наполовину пуста.

Он подумал немного, но не стал вмешиваться и вернулся в холодный дворец.

Юань-эр ждал его во дворе. Увидев, что он несет ткань, мальчик широко раскрыл глаза.

— Брат Лин... что это?

— Ткань, — Ли Лин положил ее на кровать в главном зале. — Сошью тебе новую одежду.

Юань-эр замер.

Он опустил голову, глядя на ткань, потом поднял взгляд на Ли Лина, и его глаза вдруг покраснели.

— Но... но я не умею шить...

— Я умею, — сказал Ли Лин.

Юань-эр опешил еще больше:

— Ты умеешь?

Ли Лин не стал объяснять. В прошлой жизни он жил один, и шитье было базовым навыком. Хотя он не учился на портного, с простой одеждой справиться мог.

Он взял ткань, осмотрел ее, потом взглянул на старую одежду Юань-эра, и в голове сложился примерный план.

— Сегодня снимем мерки, — сказал он, — завтра начнем шить.

Юань-эр кивнул и встал перед ним.

Ли Лин взял тонкую веревочку и начал измерять ширину плеч, длину рук, талию. Когда дело

дошло до талии, ее невероятно тонкий размер снова заставил сердце сжаться.

Он ничего не сказал, закончил измерения и убрал веревку.

Юань-эр стоял перед ним и вдруг тихо прошептал:

— Брат Лин... ты такой добрый.

Ли Лин на мгновение замер. Не поднимая головы, он ответил:

— Это мой долг.

В тот полдень у них не было риса, чтобы приготовить еду.

Ли Лин нашел в углу кухни несколько вчерашних паровых булочек, вскипятил воды и перебился ими вместе с соленьями.

Юань-эр ел с аппетитом и ни о чем не спрашивал.

После обеда Ли Лин приступил к работе.

Мастерство его было средним, но он брал старательностью. Стежок за стежком, шил медленно, но крепко.

Юань-эр сидел рядом и наблюдал. Смотрел, как он вдевает нитку, как подшивает края, как из кусков ткани получается маленькая одежда.

Он смотрел-смотрел и вдруг спросил:

— Брат Лин, почему ты так добр ко мне?

Игла в руках Ли Лина остановилась.

Он не поднимал головы и лишь спустя время ответил:

— Просто так.

Юань-эр не понял.

Он подумал немного и спросил снова:

— Это значит... значит ли это, что потом ты тоже уйдешь?

<http://bllate.org/book/18783/1823128>